Андрей Бесков

Полезен ли анализ неоязыческих сообществ в соцсетях для оценки численности последователей русского неоязычества?

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-306-330

Andrey Beskov

Exploring Neo-Pagan Groups in Social Networks as an Indicator of the Numbers of Adherents

Andrey Beskov — Research Laboratory "New Religious Movements in Modern Russia and Europe" at the Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Russia). beskov_aa@mininuniver.ru

The theme of Russian Neo-Paganism or, as it is often called, Rodnoverie, has become prominent in academic periodicals which does not necessarily reflect the real level of Neo-Paganism's popularity in the Russian society. Researchers are not able to convincingly estimate the number of its adherents. Sociological surveys are too contradictory, and we can try to rely upon the data collected on the Internet. Some authors have already used these data by counting the number of Neo-Pagan groups and followers in the social networks. The purpose of this paper is to assess the validity of such calculations. After having monitored various religious groups in such popular Russian social services as the Odnoklassniki and VKontakte for a few years, the author shows that this method of calculation is inefficient and can lead to errors. Therefore, the actual number of adherents of the Russian Neo-Paganism remains unknown even approximately.

Keywords: Russian Neo-Paganism, Rodnoverie, social networking services, Neo-Pagan Groups in Social Networks, number of adherents.

В последние годы в российской научной периодике наблюдается усиление интереса к русскому неоязычеству, что заметно по приросту работ на эту тему. Этот факт вполне может натолкнуть на мысль, что коль скоро русское неоязычество привлекает повышенное внимание исследователей, оно пе-

Бесков А. Полезен ли анализ неоязыческих сообществ в соцсетях для оценки численности последователей русского неоязычества? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(3). С. 306–330.

Beskov, Andrey (2020) "Exploring Neo-Pagan Groups in Social Networks as an Indicator of the Numbers of Adherents", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38(3): 306–330.

реживает некий подъем. Парадоксально, однако, что мы не знаем, так ли это на самом деле. В какую сторону движется русское неоязычество — к своему расцвету или увяданию? Прирастает ли оно новыми последователями или теряет популярность? Эти вопросы традиционно остаются без ответа.

Социологические опросы обычно не дают информации о количестве язычников в России. По данным опросов, проведенных Институтом социально-политических исследований РАН в 2011 и 2012 гг., к язычникам себя отнесли 0% опрошенных[1]. А опрос, проведенный фондом «Общественное мнение» в 2013 г., показал, что лишь 1% от числа опрошенных россиян причисляет себя к категории приверженцев какой-то другой религии, кроме христианства и ислама. Правда, еще 4% опрошенных не смогли определиться с ответом, верующие ли они и к какой конфессии относятся[2]. Видимо, язычники составляли некоторую долю этих 5%.

Согласно другому опросу 2013 г., 57% опрошенных россиян когда-либо лично сталкивались с представителями новых религиозных движений (составители опроса в качестве примера этих движений назвали также неоязычество), а 13% респондентов имеют знакомых или родственников, которые были или являются последователями новых религиозных движений. При этом в ответах, показывающих, к каким религиозным движениям относятся знакомые респондентов, неоязычники не фигурируют. По всей видимости, часть из них могла бы быть обнаружена, наряду с саентологами, пятидесятниками, представителями «Белого братства», в категории «другое» (ее указал 1% опрошенных в качестве определения вероисповедания своих близких), а также в категории «затрудняюсь ответить» (3% респондентов)[3].

Согласно опросу, проведенному Левада-Центром в ноябре 2012 г., если кто-то из верующих россиян и отнес себя к язычникам, то таких оказалось менее 1% — это те, кого социологи

1. *Синелина Ю.Ю.* Особенности религиозности современных православных в России // Материалы Международной научно-практической конференции «Человек и религия» (Минск, 14–16 марта 2013 г.) / под ред. С. Г. Карасевой, С. И. Шатравского. Минск: «Четыре четверти», 2013. С. 30.
2. Ценности: религиозность. Еженедельный опрос «ФОМнибус», 6–7 апреля 2013 г. // Фонд «Общественное мнение» [http://fom.ru/obshchestvo/10953, доступ от 27.02.2016].
3. Отношение к новым религиозным движениям. Телефонный опрос «ТелеФОМ» 26–27 октября 2013 г. // Фонд «Общественное мнение» [http://fom.ru/TSennosti/11418, доступ от 27.02.2016].

отнесли к категории «другое», то есть не христиане, не мусульмане, не иудеи, не буддисты и не индуисты[4]. Впрочем, не исключено, что кто-то из язычников мог затрудниться определить свое вероисповедание (таких респондентов оказалось 2%) или отказаться называть свое мировоззрение словом «вероисповедание» (10% опрошенных не относят себя ни к какому вероисповеданию).

Стоит упомянуть и исследование, проведенное департаментом социологии Финансового университета при Правительстве РФ в начале января 2016 г. Исследование проводилось в виде опроса в городах с населением более 250 тысяч человек и было направлено на выявление уровня «вовлеченности населения российских регионов в православную культуру и веру»[5]. В опросник попали также вопросы об отношении к исламу и неоязычеству, при определении которого авторы исследования исходили из посылки, что его целью является возрождение древнерусских дохристианских верований. В итоге «всего лишь 0,2% опрошенных заявили, что активно интересуются древнеславянской культурой и верованиями». К сожалению, обнародованный отчет не позволяет оценить совершенство методики исследования и заставляет отнестись к представленным результатам без особого доверия. В данном случае интересны не столько цифры, сколько сам факт внимания исследователей к русскому неоязычеству, который явно диссонирует с этими самыми цифрами и заявленными целями исследования.

Казалось бы, сходный порядок цифр выявил опрос среди студентов Сибирского федерального университета, где 1% респондентов определил свое вероисповедание как язычество. Правда, на вопрос о вероисповедании отвечали только те 60% респондентов, кто заявили о своей вере в Бога (sic!), и 40% из них отметили, что не принадлежат ни к какой религиозной конфессии[6].

4. В России 74% православных и 7% мусульман // Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады) [http://www.levada.ru/2012/12/17/v-rossii-74-pravoslavnyh-i-7-musulman/, доступ от 22.09.2019].

5. Исследование Департамента социологии Финансового университета, посвящённое вовлеченности населения российских регионов в православную культуру и веру, 10.01.2016 [http://old.fa.ru/dep/press/about-us/Pages/Issledovanie-pravoslavie.aspx, доступ от 24.09.2019].

6. *Забелина Е.Ю., Феньвеш Т.А.* Отношение к смерти и религиозное сознание молодёжи // Философская мысль. 2019. № 1. [https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28039, доступ от 18.09.2019].

И тут следует отметить одну особенность современного язычества, затрудняющую его выявление посредством подобных социологических опросов. Дело в том, что часть людей, относящих себя к язычникам, не склонны определять язычество в категориях религии или веры. Как отмечает Каарина Айтамурто, многие русские неоязычники испытывают отвращение к слову «религия», предпочитая определять язычество как духовность, мировоззрение, философию или традицию[7]. То же наблюдается и на Западе[8]. (Отметим, что возможны даже дискуссии на тему, может ли язычник быть атеистом[9].) Если же термины «религия», «вера» и вплетаются в определение язычества, то используются в качестве вспомогательных средств объяснения сути данного понятия[10]. Подчеркивается отсутствие в язычестве канонов[11], что делает проблематичным использование в отношении него понятий «вероисповедание» или «конфессия». Часто суть язычества рассматривается современными язычниками сквозь призму взаимоотношений между человеком и мироздании: как «одухотворение окружающего мира»[12], «связь с силами живой природы»[13], «метод выстраивания взаимоотношений человека с Природой… с окружающими людьми и с самим собой»[14].

7. Aitamurto, K. (2016) *Paganism, traditionalism, nationalism: narratives of Russian rodnoverie*, p. 15. N.Y.; L.: Routledge.
8. Sutcliffe, S., Bowman, M. (2000) "Introduction", in S. Sutcliffe, M. Bowman (eds) *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality*, p. 9. Edinburgh: Edinburgh University Press.
9. *Darkhon*. Вопрос к язычникам // Живой Журнал, 01.08.2010 [https://darkhon.livejournal.com/913506.html, доступ от 16.09.2019].
10. См. интервью: *Шиженский Р.* Интервью с Велеславом (И.Г. Черкасовым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. I. 2014. С. 178; *Шиженский Р.* Интервью с Богумилом (Б.А. Гасановым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. II. 2015. С. 102; *Бесков А.* Интервью с Любомиром (Д.Ж. Георгисом) // Colloquium heptaplomeres. Вып. IV. 2017. С. 98.
11. *Шиженский Р., Суровегина Е.* Интервью с Вуковоем (Е. Васильевым) и Твердославом (С. Асяевым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. IV. 2017. С. 150; *Шиженский Р.* Интервью с П.В. Зуем // Colloquium heptaplomeres. Вып. IV. 2017. С. 158.
12. *Суровегина Е.* Интервью с А. П. Амплеевым // Colloquium heptaplomeres. Вып. III. 2016. С. 103.
13. *Шиженский Р.* Интервью с Веземаром (М.С. Прокопенко) // Colloquium heptaplomeres. Вып. II. 2015. С. 125.
14. *Суровегина Е.* Интервью с Темногором (А.В. Темногором) // Colloquium heptaplomeres. Вып. IV. 2017. С. 146.

Учитывая эту расплывчатость смыслового наполнения слов «язычество» и «неоязычество», необходимо пояснить авторскую позицию по этому вопросу.

Дать исчерпывающее определение того, что такое неоязычество и, в частности, русское неоязычество, крайне сложно, минимум, по двум причинам: аморфность самого феномена (нет ни единого вероучения, ни общего управляющего центра и иерархии, ни фиксированного членства) и несовершенство религиоведческого категориального аппарата. В данном случае одинаково проблематично использование как эмного, так и этного подходов[15].

Эмный подход — то есть описание социального явления «изнутри», в том числе посредством терминологии, присущей тем (со)обществам, которые мы хотим изучить, приводит нас к обнаружению множества мелких, незаметных или несущественных для стороннего наблюдателя границ внутри изучаемого явления. Возникают вопросы: достойны ли эти детали внимания ученых? можно ли их адекватно описать при помощи имеющейся научной терминологии? допустимо ли заимствовать в качестве таковой термины, которыми пользуются сами члены изучаемого (со)общества? Так, слово «родноверие» усилиями некоторых ученых за последние годы почти превратилось в научный термин[16], обозначающий феномен возрождения славянских дохристианских верований. Проблема, однако, в том, что далеко не все люди, объединенные этим стремлением, готовы называть себя родноверами. Имеются конкурирующие термины — славянство, родолюбие, ведизм, даже православие (от словосочетания «славить Правь»). Инглинги именуют себя староверами, тем самым смешиваясь в общественном сознании со старообрядцами. Термин «родноверие» стал применяться в качестве самообозначения рядом российских неоязыческих общин в 1990–2000-е гг., и поскольку в это время они были наиболее заметны для исследователей, в какой-то момент могло показаться, что это слово может заменить термин «неоязычество», который самим неоязычни-

15. Подробнее о них см.: Harris, M. (1999) *Theories of culture in postmodern times*, pp. 31–48. Walnut Creek, CA — London — New Delhi: Altamira Press.

16. См., например, монографии: *Кавыкин О.И.* «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М.: Институт Африки РАН, 2007; *Шнирельман В.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2012; Aitamurto, K. *Paganism, traditionalism, nationalism: narratives of Russian rodnoverie.*

кам очень не нравился. Но по мере того, как в среде неоязычников появляются новые фигуры, критически относящиеся к идеям своих предшественников и неготовые ассоциировать себя с ними, термин «родноверие» устаревает. Кроме того, имеются группы, которые исследователи обычно относят к неоязычникам, но от которых активно отмежевываются сами родноверы — речь прежде всего об инглингах. Это размежевание язычников на разные направления, «пути» отмечается и на Западе, причем если кто-то из них готов именоваться собирательным термином *pagans* (язычники), то другие ищут иные обозначения, например, *heathens*[17]. Понятно, почему некоторые авторы демонстративно не желают вступать в дебаты относительно преимуществ эмного и этного подходов[18] — любой из них легко подвергнуть критике. Вот и научные, внешние по отношению к мировоззрению современных язычников термины также оказываются не вполне точными и удобными. Экспликация термина «неоязычество» через понятие «новое религиозное движение» лишь еще больше все запутывает[19], тем более что, как мы видели, неоязычники нередко отрицают религиозный характер своего мировоззрения. Еще менее пригодны понятия «культ», «секта», часто использующиеся в православной литературе и в прессе.

Кажется, более уместно определение сути неоязычества через понятие «духовность», ставшее популярным в западной науке, несмотря на то, что оно также не имеет однозначного понимания. Привлекательна позиция Боаза Хусса, который считает, что «духовность» — это новая категория, которая снимает дихотомию религиозное/светское[20]. Семантическое поле, которое покрывает этот термин, связано с самопознанием, изучением человеком своего внутреннего мира, что нередко принимает формы религиозных практик, но выходит за рамки какого-то конкретного вероучения. Это близко мировоззрению современных язычников, но неотрефлексированное применение данного термина способно приводить к дальнейшим смысловым аберрациям. Слово «духовность» — еще один пример того, как эмная катего-

17. Sutcliffe, S., Bowman, M. “Introduction”, p. 8.

18. Ibid., p. 2.

19. *Бесков А. А.* Парадоксы русского неоязычества // Colloquium heptaplomeres. Вып. I. 2014. С. 14–17.

20. Huss, B. (2014) “Spirituality: The Emergence of a New Cultural Category and its Challenge to the Religious and the Secular”, *Journal of Contemporary Religion*, 29(1), 47–60.

рия превращается в этную, сохраняя при этом некоторые «родимые пятна». Англоязычный оригинал (*spirituality*)[21] проник в научную литературу из лексикона представителей культуры New Age[22] с ее мировоззренческой эклектикой — от европейского оккультизма до йоги и буддистских медитаций. Но, хотя феномен New Age возник как проявление контркультуры во второй половине XX в.[23], а неоязычество в разных формах и в разных странах появилось раньше и понятием «духовность» не оперировало, современное использование этого термина способствует тому, что, говоря о неоязыческой духовности, многие авторы (преимущественно западные) ставят неоязычество и New Age в один ряд[24]. Несомненно, причиной этого является тот факт, что многие авторы считают классической формой неоязычества викку — «колдовскую религию», зародившуюся в середине XX в. в Великобритании и вскоре ставшую популярной в США[25]. Но такая позиция может проистекать лишь из недостаточного знакомства с историей других форм неоязычества. Гораздо более взвешенной представляется позиция, согласно которой идеи New Age в некоторой степени повлияли на развитие неоязыческой мысли в странах Запада, привнеся с собой больший либерализм, индивидуалистичность и эклектичность. В частности, это хорошо прослеживается на немецкой почве, где неоязыческие группы появились задолго до рождения культуры New Age и долгое время сохраняли свой националистический характер[26]. Майкл Стрмиска справед-

21. В русскоязычных публикациях это слово может переводиться как «духовность», а может звучать как «спиритуализм», что вносит дополнительную терминологическую путаницу. В качестве примера, а также более подробного обзора литературы по данной теме см.: *Добровольский М.* Спиритуалистическая этика и новый дух капитализма // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 4. С. 231–262.

22. Huss, B. (2014) “Spirituality: The Emergence of a New Cultural Category and its Challenge to the Religious and the Secular”, p. 50.

23. Ibid., p. 57.

24. См., например: York, M. (1995) *The Emerging Network: A Sociology of the New Age and Neo-Pagan Movements*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield; Ferlat, A. (2003) “Neopaganism and New Age in Russia”, *Folklore*, 23: 40–48; Morris, B. (2005) *Religion and Anthropology: A Critical Introduction*, p. 308. Cambridge: Cambridge University Press; Zwissler, L. (2011) “Pagan Pilgrimage: New Religious Movements Research on Sacred Travel within Pagan and New Age Communities”, *Religion Compass,* 5(7), 326–342.

25. Подробнее о викке см.: Morris, B. (2005) *Religion and Anthropology: A Critical Introduction*, p. 278–282.

26. Gründer, R. (2014) “Neo-pagan Traditions in the 21st Century: Re-Inventing Polytheism in a Polyvalent World-Culture”, in J. Schlehe, E. Sandkühler (eds) *Religion, Tra-*

ливо отмечает, что существуют два полюса неоязычества — реконструкционистское, нацеленное на воспроизведение древних языческих культов, и эклектическое, где язычество прошлого — скорее источник вдохновения для собственного духовного поиска, нежели идеал. Неоязычество реконструкционистского толка более распространено в Восточной Европе, эклектического, примером которого является викка, — в Великобритании и США[27]. Именно эклектическое неоязычество, оторванное от конкретных географических и этнических истоков, сближается с культурой New Age, в то время как реконструкционистское направление имеет с ней мало общего. Здесь под русским неоязычеством понимается реконструкционистское направление, декларирующее свою историческую и идейную связь с восточнославянскими («русскими») дохристианскими верованиями. Именно такое неоязычество обозначается в литературе словом «родноверие». Прилагательное «русское» в данном случае служит и географической меткой, обозначающей локализацию этого явления в России, так как свои родноверы есть и в других славянских странах.

Как мы видим, выявление языческой идентичности средствами социологии выглядит нетривиальной задачей. Пока что наиболее валидным в этом отношении социологическим исследованием представляется масштабный (56 900 респондентов) всероссийский опрос 2012 г., проведенный исследовательской группой «Среда». Он показал, что язычников (тех людей, кто, по формулировке авторов исследования, исповедует традиционную религию своих предков, поклоняется богам и силам природы) в России 1,2%, из них 44% русские по национальности[28]. Если наложить эти показатели (1,2%) на результаты переписи населения России 2010 г., согласно которым постоянное население страны составляло 142 856 536 человек, то получится, что число русских, чьи религиозные взгляды определяются социологами как языческие, было порядка 754 000 человек. Это внушительная цифра, которая показывает, что изучение русского неоязычества актуально. Но этих данных недостаточно, чтобы дать взвешенную оценку тем процессам и тенденци-

dition and the Popular: Transcultural Views from Asia and Europe, pp. 261–282. Bielefeld: Transcript-Verlag.

27. Strmiska, M.F. (2005) "Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives", in M. F. Strmiska (ed.) *Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives*, pp. 19–22. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO.

28. Арена. Атлас религий и национальностей России // Некоммерческая Исследовательская Служба «Среда» [http://sreda.org/arena, доступ от 22.09.2019].

ям, которые имеют место в этой сфере. Даже если представленные выше расчеты верны, не все русские по национальности язычники могут быть причислены к последователям славянского язычества — кто-то поклоняется скандинавским, кельтским, греческим и иным богам. Значит, неизвестно, сколько в России приверженцев славянского язычества и как меняется их численность.

В отсутствие таких данных приходится искать иные способы оценки динамики развития русского неоязычества. Одним из них, в теории, мог бы стать анализ данных популярных в России социальных интернет-сетей.

Все последние годы наблюдается неуклонное проникновение интернет-технологий в повседневную жизнь россиян. Если в 2001 г. лишь 2–3% россиян пользовались интернетом «ежедневно, практически ежедневно» и «несколько раз в неделю», то в 2019 г. таковых уже 72% населения. При этом соцсетями регулярно пользуется порядка 56% россиян. Среди молодежи доля тех, кто посещает сети «ежедневно или практически ежедневно», составляет 85%.

Социологи фиксируют рост числа посетителей социальных сетей на протяжении последних восьми лет. Наиболее популярными социальными сетями в России являются «ВКонтакте» и «Одноклассники» (ими пользуются порядка 42% и 33% россиян соответственно). При этом «ВКонтакте» обошла по популярности «Одноклассников» в 2017 г., и ее аудитория в целом моложе[29].

Планомерный рост аудитории социальных сетей, делающий общение и самопрезентацию в интернете привычным делом для миллионов россиян, дает основание полагать, что основные компоненты их мировоззрения должны находить свое отражение в виртуальном мире. Возможность делать выводы о характере и динамике изменений в коллективной идентичности россиян, анализируя статистические данные из соцсетей, представляется весьма заманчивой.

Примечательно, что на рост числа подписчиков языческих сообществ в соцсетях могут ссылаться сами неоязычники при оценке своей численности. И если в 2007 г. Вадим Казаков — глава Союза славянских общин славянской родной веры (ССО СРВ) — был готов оценить только численность членов этого объединения

29. *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиаландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети // Сайт АНО «Левада-Центр». 01.08.2019 [https://www.levada.ru/2019/08/01/rossijskij-media-landshaft-2019/, доступ от 20.09.2019].

(3000 человек)[30], то в 2018 г., по его мнению, численность родноверов в России составляет «десятки, если не сотни тысяч»[31].

Интернет-активность русских неоязычников привлекала также внимание ученых[32]. В некоторых работах предпринимались определенные попытки собрать и проанализировать соответствующие статистические данные: количество результатов, выдаваемых поисковыми системами в интернете при запросах, имеющих отношение к неоязычеству[33], а также количество и численность неоязыческих сообществ в соцсетях[34]. Впрочем, какой-то определенной методологии не возникло. Так, Каарина Айтамурто сделала вывод, что родноверов в России насчитывается несколько десятков тысяч, просто опираясь на количество подписчиков нескольких крупных родноверческих сообществ в сети «ВКонтакте»[35]. К.А. Жарчинская проводила поиск в соцсетях по тегам (тег — это дескриптор, метка, служащая для категоризации и поиска информации в интернете) «славяне» и «славяно-арийский», отмечая, что они «были выбраны в процессе поиска «крайних пределов» неонационалистической идеологии в современной России»[36]. Представляется,

30. *Клин Б.* Русские идут. В язычники // Сетевое издание IZ.RU. 31.07.2007 [https://iz.ru/news/327127, доступ от 17.03.2020].

31. *Скрипунов А.* «В Церкви нас особо не любят». Зачем российские язычники убегают в леса // РИА Новости. 25.03.2018 [https://ria.ru/20180325/1517203563.html, доступ от 17.03.2020].

32. *Васильев М.А.* Рецензия на: Неоязычество на просторах Евразии / Сост. В. Шнирельман. М., 2001. 180 с. // Славяноведение. 2002. № 4. С. 101–102; *Зверева Н.Е., Масленникова Т.И., Морозова О.В.* Неоязычество в сети: межконфессиональный дискурс // Власть в логике и риторике межнациональных и межконфессиональных отношений. Иваново: Ивановский филиал ФГБОУ РАНХиГС, 2017. С. 82–98; *Гайдуков А.В.* Интернет как источник информации и средство агитации современного язычества: на примере родноверов (неоязычников) Петербурга // Религиозная ситуация в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России. Вып. VI. СПб., 2010. С. 113–125; Gaidukov, A. (2013) "The Russian-Language Internet and Rodnoverie (Ch. 20)", in Aitamurto, K. and Simpson, S. (eds). *Modern Pagan and Native Faith Movements in Central and Eastern Europe*, pp. 315–332. Porthcawl, UK: Acumen Publishing; *Жарчинская К. А.* Миф и историческая память: образы славянской «традиции» в социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4(30). С. 97–103.

33. *Гайдуков А.В.* Интернет как источник информации и средство агитации современного язычества: на примере родноверов (неоязычников) Петербурга. С. 116.

34. Gaidukov, A. "The Russian-Language Internet and Rodnoverie", p. 324–326; *Жарчинская К. А.* Миф и историческая память: образы славянской «традиции» в социальных сетях. С. 98–99; Aitamurto, K. *Paganism, traditionalism, nationalism: narratives of Russian rodnoverie*, pp. 63, 71.

35. Ibid.

36. *Жарчинская К.А.* Миф и историческая память: образы славянской «традиции» в социальных сетях. С. 99.

что это недостаточная мотивировка выбора именно таких поисковых запросов; нелогичным кажется и смешение в статье в нечто однородное таких разных категорий, как неоязычники, неонацисты и «славянские традиционалисты» (например, последняя категория может включать в себя и православных). Кроме того, упомянутые замеры проводились разово или спорадически, и потому их результаты не дают возможности увидеть динамику изменений на достаточно большом временном отрезке. Также оставалось неясным, насколько адекватно подобные замеры отражают популярность неоязычества в российском обществе.

Данное исследование призвано ответить на следующие вопросы:

(1) Можно ли доверять такого рода оценкам численности русских неоязычников?

(2) Верно ли лежащее в основе этих оценок имплицитное предположение, что количество сообществ неоязыческой направленности в компьютерных соцсетях и численность подписчиков таких групп коррелирует с численностью приверженцев русского неоязычества в российском обществе?

Для этого было решено повторить опыты предыдущих исследователей с поисками в соцсетях групп неоязыческой направленности, подсчетом их количества и численности их подписчиков. Но сбор данных был организован на регулярной основе и в большем масштабе. С октября 2014 г. по февраль 2019 г. нами осуществлялся мониторинг неоязыческих сообществ в наиболее популярных в России социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» (их общепринятые краткие обозначения — VK и OK соответственно). Замеры проводились несколько раз в год, с промежутком в 4 месяца, в феврале, июне и октябре, в первых числах месяца (за исключением июня 2016 г., когда измерения не проводились).

Для поиска использовался тег «родноверие». Хотя это слово не может служить термином, объединяющим все вариации русского неоязычества, использование его оправданно. Во-первых, как показывают полевые исследования, неоязычники разных направлений ощущают свою близость и склонны собираться вместе, например, для проведения обрядов[37]. И поскольку родноверие — это своего рода бренд, хорошо известный в неоязыческой среде,

37. Harvey, G. (2000) “Boggarts and Books: Towards an Appreciation of Pagan Spirituality”, in S. Sutcliffe, M. Bowman (eds) *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality*, p. 159. Edinburgh: Edinburgh University Press.

логично предположить, что он будет притягивать внимание даже тех русских неоязычников, кто не готов называть себя родноверами. Во-вторых, очевидно, что именно на численность родноверов ориентировались в своих оценках Вадим Казаков и Каарина Айтамурто, и использование нами такого тега позволит точнее оценить их достоверность.

Стоит отметить ряд быстро обнаружившихся сложностей. Хотя по запросу «родноверие» отыскивается немало сообществ, не всех их подписчиков можно отнести к последователям русского неоязычества. Во-первых, не все пользователи являются гражданами России. Во-вторых, некоторые из этих пользователей могут быть просто любопытствующими, но в целом далекими от неоязычества людьми. В-третьих, не все найденные сообщества ставят себе целью популяризировать неоязыческие идеи. Напротив, одна из найденных групп называется «Родноверие — угроза России!». Однако она малочисленна (на 01.10.2014 она насчитывала всего 69 участников, на 18.09.2019 — 189), в то время как наиболее популярные группы насчитывают тысячи подписчиков.

Следует также учитывать, что есть группы, состоящие из одного-двух участников, и есть группы, которые не являются по своей направленности специфически неоязыческими, хотя и содержат тег «родноверие». Все это осложняет сбор и анализ полученных данных, как и возможность в перспективе автоматизировать эти процессы. Но если принять во внимание, что большинство из найденных групп имеют довольно большое количество участников (от нескольких десятков до нескольких тысяч), в основной своей массе пропагандируют неоязыческие идеи, а не борются с ними, и состоят преимущественно все же из россиян, то оправданным выглядит предположение, что информация об этих группах служит материалом, релевантным задачам исследования.

В то же время следует учесть еще одно важное обстоятельство: если речь идет об анализе динамики численности родноверческих объединений в соцсетях, то совершенно недостаточно рассматривать собранные по ним статистические данные изолированно от данных, отражающих численность сообществ другой религиозной направленности. Можно с уверенностью предположить, что численность едва ли не всех интернет-сообществ должна нарастать наряду с увеличением общей аудитории социальных сетей. Следовательно, чтобы понимать, насколько темпы прироста сообществ той или иной направленности отражают реальный рост популярности соответствующей идеологии, необходимо сопоставлять эти

данные с данными, отражающими динамику развития сообществ, представляющих конкурирующие идеологии.

Исходя из этого, было принято решение параллельно отслеживать динамику изменений количества и численности сообществ православной, мусульманской, буддистской и атеистической направленности. Выбор этих категорий сообществ обусловлен разными причинами.

Православные и мусульманские сообщества интересны тем, что собранные данные можно сопоставить с данными социологических исследований на тему религиозных предпочтений россиян и определить, коррелируют ли данные из соцсетей с представлениями социологов о численности православных и мусульман в России.

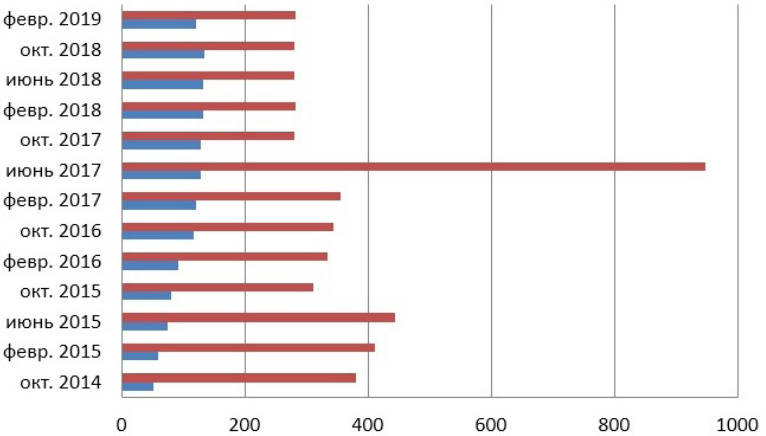
Буддистские сообщества интересны тем, что буддизм в современном мире во многом превратился в модный среди богемы набор этических и эстетических норм (можно вспомнить международную сеть ресторанов Buddha-Bar, успешно функционирующую, несмотря на попытки протеста со стороны верующих). Эта размытость статуса буддизма (то ли религия, то ли философия, то ли этнокультурная традиция, то ли модная тенденция в современной культуре), как нам кажется, роднит буддизм и родноверие. Поэтому интересно понаблюдать, есть ли какие-то общие тенденции в развитии сообществ этих типов.

Наконец, атеистические сообщества примечательны тем, что сегодня в России нет ни моды на атеизм, ни тем более каких-то заметных социальных, политических, экономических сил, нацеленных на популяризацию атеизма. Как нам представляется, динамика изменений количества и численности атеистических сообществ в меньшей степени подвержена каким-то внешним факторам и потому, в теории, может служить примером естественного развития сообществ, объединенных вокруг темы религии.

Сплошная ручная обработка всего массива данных была бы крайне трудоемкой и, как представляется, излишней. Для большего удобства сбора и сопоставления данных по численности найденных сообществ в расчет принимались по три крупнейших — на момент очередного замера — сообщества каждой направленности. И хотя перечни лидирующих по своей численности групп постепенно менялись (одни сообщества теряли популярность, другие набирали), по нашим наблюдениям суммарная численность подписчиков трех крупнейших сообществ во всех категориях составляла весьма значительную часть (порядка 40% и более) от общей

численности пользователей всех найденных сообществ указанных категорий, поэтому в целом такие данные представляются вполне репрезентативными (колебания численности трех крупнейших сообществ отражают колебания численности пользователей всей совокупности найденных по тому или иному тегу сообществ).

На момент начала наблюдений по запросу «родноверие» было найдено 52 сообщества в «Одноклассниках» и 380 в сети «ВКонтакте». На рис. 1 хорошо прослеживаются разнонаправленные тенденции — плавный рост числа таких сообществ в «Одноклассниках» и неустойчивый рост с дальнейшим снижением и стабилизацией на более низком, чем изначально, уровне в сети «ВКонтакте». В последней наблюдался резкий рост летом 2017 г., после чего последовал столь же резкий спад. С чем связаны эти флуктуации — не вполне ясно; возможно, это было вызвано какими-то изменениями в алгоритме поиска на сайте. Но этот пример показывает, что одноразовые срезы данных могут давать недостоверную информацию — нужен именно планомерный мониторинг.

	окт. 2014	февр. 2015	июнь 2015	окт. 2015	февр. 2016	окт. 2016	февр. 2017	июнь 2017	окт. 2017	февр. 2018	июнь 2018	окт. 2018	февр. 2019
VK	380	411	445	312	335	344	355	947	280	283	280	280	282
ОК	52	59	74	80	92	118	122	128	129	132	132	135	122

Рис. 1. Количество сообществ, найденных в сетях «Одноклассники» (ОК) и «ВКонтакте» (VK) по запросу «родноверие»

Итак, в одной сети мы видим рост числа неоязыческих групп на 146%, в другой — спад почти на 26%. Такие показатели мало-

информативны и явно требуют сопоставления с показателями сообществ другой направленности. Как видно по данным в таблице № 1, рост количества сообществ в сети «Одноклассники» и уменьшение его в сети «ВКонтакте» является общим трендом для всех отслеживаемых категорий сообществ. Также невольно обращает на себя внимание близость процентных показателей прироста и уменьшения численности родноверческих и буддистских сообществ.

Таблица № 1. Количество найденных сообществ на начало и конец наблюдений. Увеличение или уменьшение их количества в процентах по отношению к исходным значениям

	Неоязыческие группы		Православные группы		Мусульманские группы		Буддистские группы		Атеистические группы	
	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.
ОК	52	122	1256	2507	14458	19881	95	214	88	120
	+ 146.15%		+ 99.60%		+ 37.50%		+ 125.26%		+ 36.36%	
ВК	380	282	2051	1836	7612	6735	683	511	366	191
	- 25.78%		- 10.48%		- 11,52%		- 25,18%		- 47,81%	

Дополним эти данные показателями, отражающими изменение суммарной численности трех крупнейших сообществ из каждой категории (см. таблицу № 2). Отметим, что изначально планировалось отслеживать численность в тех сообществах, которые насчитывали максимальное количество участников на момент начала наблюдений. Но выяснилось, что в лидеры часто выходят новые группы, а старые могут терять популярность. Например, группа «СЛАВЯНСКОЕ ВЕЧЕ», созданная в «Одноклассниках» 28 апреля 2015 г. и поначалу не попадавшая в поле нашего зрения, в феврале 2017 г. стала лидером по количеству участников. Первоначальный лидер — группа «Славяне», созданная еще 24 апреля 2008 г., к февралю 2019 г. откатилась на пятое место (впрочем, по сравнению с началом наблюдений она все равно показывает рост — с 18 608 до 20 461 чел.). Особую изменчивость демонстрируют мусульманские сообщества, способные крайне быстро наращивать число подписчиков, исчезать, затем вновь появляться под тем же либо скорректированным именем. Примером служит груп-

па в «Одноклассниках» «Ислам — для ВСЕХ! Все об исламе. Хадисы. Цитаты», которая привлекла наше внимание 1 июня 2015 г., став третьей по численности (138 537 человек), а уже при следующем замере оказалось, что группа с таким названием имеет другой сетевой адрес, создана она 11 июня 2015 г. и имеет лишь 4073 подписчика. Кроме того, сообщества могут менять написание своих названий (меняя регистр букв или добавляя к ним какие-то символы) либо возникают разные сообщества с очень похожими названиями — например, группы в «Одноклассниках» «Славянский Националист» и «ᛉ Славянский ᛟ Националист ᛏ». Все это создает дополнительные сложности при сборе, проверке и анализе данных.

Таблица № 2. Суммарная численность подписчиков трех крупнейших сообществ каждой категории на начало и конец наблюдений. Увеличение или уменьшение их численности в процентах по отношению к исходным значениям

	Неоязыческие группы		Православные группы		Мусульманские группы		Буддистские группы		Атеистические группы	
	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.
ОК	34183	130959	459894	1520400	475368	1575159	18481	110080	7271	34018
	+ 283.11%		+ 230.59%		+ 231.35%		+ 495.63%		+ 367.85%	
ВК	31856	83158	503713	2242157	836931	2235998	352468	490287	45038	154703
	+ 161.04%		+ 345.12%		+ 167.16%		+ 39.10%		+ 243.49%	

В полученных цифрах сложно разглядеть какую-то определенную тенденцию. Более того, в разных сетях мы можем наблюдать разительные отличия. Так, если в «Одноклассниках» буддистские сообщества стали абсолютными лидерами по темпам прироста числа пользователей, то в сети «ВКонтакте» они явные аутсайдеры. Однако в абсолютных величинах численность подписчиков на эти группы в сети «ВКонтакте» была и остается в разы больше, чем в «Одноклассниках». Неоязыческие сообщества в обеих сетях показывают средние на фоне других категорий темпы роста, но, что необычно, это единственная категория сообществ, в которой численность подписчиков в сети «ВКонтакте» уступает (причем довольно сильно) численности подписчиков в «Одноклассниках» (притом что неоязыческих сообществ в сети «ВКонтакте» больше). В итоге можно условно назвать «Одноклассники» более

«языческой» социальной сетью, чем «ВКонтакте». Это несколько неожиданно, поскольку в целом аудитория «ВКонтакте» моложе, а среди неоязычников, как принято считать, преобладает молодежь[38] или, во всяком случае, наблюдаются тенденции к увеличению доли молодежи в этой среде[39]. (Как показали недавние полевые исследования, молодежь до 30 лет преобладает либо составляет очень значительную часть среди участников популярного у неоязычников праздника Купалы, в целом же подавляющее большинство участников — это люди до 50 лет[40].)

Нереализуемой оказывается соблазнительная идея представить себе примерную численность родноверов в стране, сравнивая их численность в соцсетях с численностью подписчиков в православных и мусульманских сообществах. Это было бы возможно, если бы мы были уверены в том, что численность последних пропорциональна численности православных и мусульман в России. Тогда, рассчитав на основе данных социологических опросов примерную численность православных и мусульман в России, мы могли бы составить пропорцию между численностью родноверов, православных и мусульман в соцсетях и экстраполировать это соотношение на положение дел в реальной жизни. Однако судя по тому, что мы наблюдаем примерно равное количество подписчиков в православных и мусульманских сообществах либо даже некоторое превышение численности подписчиков мусульманских сообществ по сравнению с подписчиками православных групп, приходится сделать вывод, что эти статистические материалы совершенно не соответствуют данным о соотношении православных и мусульман в России.

Как же следует интерпретировать полученные нами результаты?

38. *Гайдуков А.* Молодежная субкультура славянского неоязычества в Петербурге // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв. ред. В. В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999. С. 25, 43; *Шнирельман В.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. С. xi, 252–253.

39. *Рязанова С.В., Цолова А.И.* Современное «неоязычество»: классификация, специфика и локальные варианты // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 1. С. 104–105.

40. *Шиженский Р.В., Суровегина Е.С.* Социальный портрет современных русских язычников: сравнительный анализ (по данным анкетных опросов 2014–2015 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(86). Ч. 1. С. 202–203.

Вполне очевидно, что изолированное рассмотрение динамики роста неоязыческих сообществ в интернете может привести исследователей к неверным выводам относительно постоянно растущей популярности неоязычества в России. Мы видим, что растет количество групп, связанных с разными религиями, и это является закономерным следствием увеличения общего числа пользователей социальных сетей и их дифференциации по интересам.

Количество таких сообществ является малоинформативным показателем еще и потому, что многие из них очень малы (могут состоять из одного или нескольких человек), а кроме того, как мы видели, их количество может резко колебаться по не вполне ясным причинам.

Обманчивым показателем является и численность подписчиков. Сегодня популярные сообщества в соцсетях представляют собой привлекательные в коммерческом отношении медиаресурсы, активно сотрудничающие с рекламодателями. В связи с этим широко востребована услуга по продвижению («раскрутке») сообществ в соцсетях. Вот почему у исследователя, пытающегося при изучении русского неоязычества опереться на рассмотренные выше статистические данные, не может быть полной уверенности в том, что попавшие в поле его зрения сообщества развиваются естественным образом, а цели их создателей действительно направлены на популяризацию (нео)язычества, а не на всемерное увеличение аудитории и монетизацию интернет-трафика.

Примером «ненастоящего» неоязыческого сообщества может послужить сообщество в сети «ВКонтакте» с URL-адресом https://vk.com/exclusivedeep. Оно попало в наше поле зрения в октябре 2016 г. Тогда оно называлось «РОДноверия» и с 16 587 подписчиками стало лидером по численности среди «родноверческих» сообществ. Однако уже к июню 2017 г. сообщество сменило название и профиль — теперь это была страничка фирмы gardenveles, занимающейся ландшафтным озеленением. К октябрю 2017 г. сообщество вернулось к тематике славянского язычества, но уже под названием «В объятиях МАРЫ». Постепенно сообщество теряло популярность и подписчиков, но все более заметной становилась его новая направленность — вместо людей, ищущих приобщения к тайнам славянского язычества, здесь в большом количестве появились девушки, ищущие сексуальных партнеров. Наконец, к февралю 2019 г. сообщество было переименовано в audio orgasm, окончательно утратив связь с языческой тематикой.

Впрочем, для привлечения пользователей подходит не только родноверие. Показателен пример другого сообщества в сети «ВКонтакте» — «Атеизм | Здравый смысл», которое молниеносно набрало популярность, став с 92 872 подписчиками лидером в своей категории на момент очередного замера 1 октября 2016 г. Лидером оно оставалось и на момент окончания наблюдений, только изменило название на «Здравый смысл | Атеизм». Однако к февралю 2019 г. сообщество поменяло URL-адрес, а по старому адресу теперь располагается сообщество LIKE MACHINE, где вывешен прайс на рекламу в соцсетях (см. рис. 2). Там мы можем узнать, что «Здравый смысл | Атеизм» лишь одно из многих сообществ (администрируемых, по-видимому, одними и теми же людьми), «раскручиваемых» специально с целью продажи рекламы. Названия других сообществ говорят сами за себя: «Телочки и бухло», «Подружки-пошлячки» и т. п.

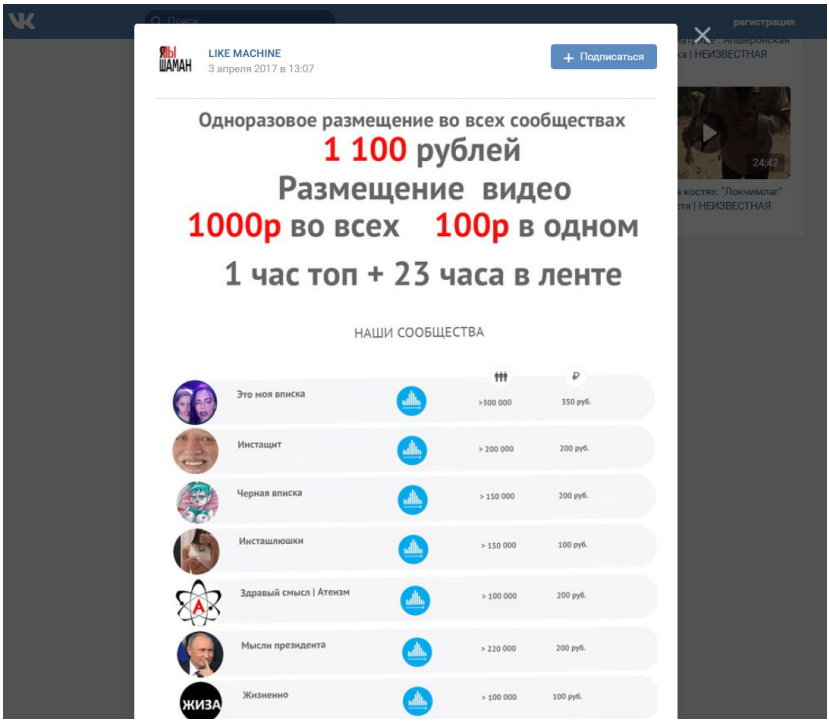

Рис. 2. Скриншот фрагмента страницы в сети «ВКонтакте» с расценками на размещение рекламы

Показателен также пример группы «Свет твоей Души» в «Одноклассниках». В феврале 2017 г. она был обнаружена по запросу «буддизм», хотя ее тематическая направленность была крайне эклектична — помимо буддизма это эзотерика, уфология и даже славянское язычество. Позднее группа сменила «специализацию» на «духовные практики» самого широкого профиля, а тег «буддизм» был удален из ее описания. Видимо, это было оправданное с точки зрения менеджмента решение, так как с тех пор группа нарастила свою аудиторию почти в три раза.

Часто обращает на себя внимание и несоответствие названий сообществ и размещаемого там контента. Тот факт, что в неоязыческих сообществах часто публикуют материалы не о язычестве, а о политике, уже отмечался другими авторами[41]. Но здесь снова есть опасность сделать неверные выводы на основе ограниченного набора примеров и приписать русскому неоязычеству излишне политизированный характер. По всей видимости, эта политизированность некоторых сообществ должна объясняться иначе — стремлением их администраторов привлечь интерес посетителей интернет-странички, вызвать максимальный эмоциональный отклик. Если вернуться к примеру сообщества «Здравый смысл | Атеизм», то мы увидим крайнюю политизированность и критику как современных российских властей, так и советской власти, но при этом практически полное отсутствие постов на тему атеизма и в целом религиозного либо материалистического сознания. Между тем именно это сообщество обеспечило тот существенный прирост подписчиков атеистических сообществ, который нашел свое отражение в таблице № 2.

Но и администраторы тех сообществ, которые последовательно придерживаются родноверческой тематики, не всегда готовы содействовать популяризации славянского язычества. Показателен пример с идеей провести в 2018 г. творческий конкурс «Искры Сварога», целью которого было «ознакомление людей с особенностями славянского языческого искусства». Автор идеи театральный режиссер Дмитрий Хень попытался довести эту информацию до широкой аудитории, обратившись в ряд крупных неоязыческих сообществ, но не встретил там поддержки. «В од-

41. *Зверева Н.Е., Масленникова Т.И., Морозова О.В.* Неоязычество в сети: межконфессиональный дискурс. С. 84–85.

ной группе написали, что готовы сделать репост в обмен на репост. Но когда узнали, что у нас в группе меньше 500 просмотров (а группу в сети «ВКонтакте» создали с нуля), то тоже отказались. Ну а в основном просто молчали. Сейчас уже не вспомню процентное соотношение, но я постил запрос в большое количество сообществ. Ответ же получил от немногих. А репост сделали буквально два-три паблика»; «Были даже те, кто просил за это деньги»[42], — рассказывал он. Режиссер объясняет эту ситуацию коммерческим интересом создателей таких сообществ, и с ним трудно не согласиться.

Отвечая на сформулированные выше исследовательские вопросы, приходится констатировать, что существующие оценки численности русских неоязычников («родноверов»), основанные на данных соцсетей, недостоверны. Более того, нет никакой уверенности в том, что виртуальное измерение русского неоязычества соответствует развитию последнего в реальной жизни. Если же попытаться определить количество родноверов иначе — опираясь на прямую самоидентификацию пользователей соцсетей (что соответствует методикам большинства соцопросов), то мы получим и вовсе обескураживающие цифры. Так, по состоянию на 24 сентября 2019 г. в поиске по сети «ВКонтакте» при применении фильтра «Жизненная позиция» / «Мировоззрение» и указании там слова «родновер» было найдено 2380 человек. После применения географического фильтра — «Россия», осталось лишь 1816 человек (для сравнения: атеистов — 191 694, буддистов — 370 144, мусульман — 1 212 300, православных — 12 714 019)[43]. Конечно, стоит учесть, что не все родноверы готовы открыто заявить о своих взглядах из-за негативного информационного фона, который сопровождает это слово в прессе[44]. Но и с учетом этого обстоятельства их ничтожное количество поражает, тем более что неясно, кто из них серьезно проникся данным мировоззрением, а для кого это только способ привлечь к себе внимание.

42. *Бесков А.* Интервью с Дмитрием Хенем (Д.П. Власовым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. V. 2018. С. 97.

43. Анкеты пользователей сети «Одноклассники» таких полей не содержат, поэтому провести аналогичный поиск невозможно.

44. *Бесков А.А., Кочеганова П.П.* Образ русского неоязычества в российской прессе начала XXI века // Политика и Общество. 2016. № 9. С. 1296–1311.

Огромная вариативность и неоднозначность возможных терминов, используемых неоязычниками для самоидентификации, и вовсе заставляет думать, что дальнейшие опыты с подсчетами (как ручными, так и автоматизированными) численности неоязычников в соцсетях бессмысленны. Например, вряд ли можно будет учесть случаи, когда люди, которые на основе анализа их взглядов должны быть причислены к числу неоязычников, указывают иное мировоззрение (так, на страничке видного представителя музыкальной pagan-сцены Лесьяра в сети «ВКонтакте» в соответствующей графе указано «космизм», хотя он и позиционирует себя как язычника[45]).

Таким образом, можно уверенно говорить, что реальное количество последователей русского неоязычества и его симпатизантов было и остается неизвестным даже приблизительно.

Библиография / Reference

Бесков А.А. Парадоксы русского неоязычества // Colloquium heptaplomeres. Вып. I. 2014. С. 11–23.

Бесков А. Интервью с Дмитрием Хенем (Д.П. Власовым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. V. 2018. С. 94–98.

Бесков А. Интервью с Лесьяром (А.В. Агафоновым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. V. 2018. С. 99–108.

Бесков А. Интервью с Любомиром (Д.Ж. Георгисом) // Colloquium heptaplomeres. Вып. IV. 2017. С. 96–113.

Бесков А.А., Кочеганова П.П. Образ русского неоязычества в российской прессе начала XXI века // Политика и Общество. 2016. № 9. С. 1296–1311.

Васильев М.А. Рецензия на: Неоязычество на просторах Евразии / Сост. В. Шнирельман. М., 2001. 180 с. // Славяноведение. 2002. № 4. С. 100–105.

Гайдуков А.В. Интернет как источник информации и средство агитации современного язычества: на примере родноверов (неоязычников) Петербурга // Религиозная ситуация в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России. Вып. VI. СПб., 2010. С. 113–125.

Гайдуков А. Молодежная субкультура славянского неоязычества в Петербурге // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв. ред. В. В. Костюшев. — СПб.: Норма, 1999. С. 24–50.

Добровольский М. Спиритуалистическая этика и новый дух капитализма // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 4. С. 231–262.

Жарчинская К.А. Миф и историческая память: образы славянской «традиции» в социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4(30). С. 97–103.

45. *Бесков А.* Интервью с Лесьяром (А.В. Агафоновым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. V. 2018. С. 99–108.

Забелина Е.Ю., Феньвеш Т.А. Отношение к смерти и религиозное сознание молодежи // Философская мысль. 2019. № 1. С. 70–76.

Зверева Н.Е., Масленникова Т.И., Морозова О.В. Неоязычество в сети: межконфессиональный дискурс // Власть в логике и риторике межнациональных и межконфессиональных отношений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (с международным участием). Иваново: Ивановский филиал ФГБОУ РАНХиГС, 2017. С. 82–98.

Кавыкин О.И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М.: Институт Африки РАН, 2007.

Рязанова С. В., Цолова А. И. Современное «неоязычество»: классификация, специфика и локальные варианты // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 1. С. 96–106.

Синелина Ю.Ю. Особенности религиозности современных православных в России // Материалы Международной научно-практической конференции «Человек и религия» (Минск, 14–16 марта 2013 г.) / под ред. С.Г. Карасевой, С.И. Шатравского. Минск: «Четыре четверти», 2013. С. 25–42.

Суровегина Е. Интервью с А.П. Амплеевым // Colloquium heptaplomeres. Вып. III. 2016. С. 103–106.

Суровегина Е. Интервью с Темногором (А.В. Темногором) // Colloquium heptaplomeres. Вып. IV. 2017. С. 146–149.

Шиженский Р.В., Суровегина Е.С. Социальный портрет современных русских язычников: сравнительный анализ (по данным анкетных опросов 2014–2015 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(86). Ч. 1. С. 201–204.

Шиженский Р. Интервью с Богумилом (Б.А. Гасановым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. II. 2015. С. 102–116.

Шиженский Р. Интервью с Веземаром (М.С. Прокопенко) // Colloquium heptaplomeres. Вып. II. 2015. С. 125–129.

Шиженский Р. Интервью с Велеславом (И.Г. Черкасовым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. I. 2014. С. 177–184.

Шиженский Р. Интервью с П.В. Зуем // Colloquium heptaplomeres. Вып. IV. 2017. С. 158–160.

Шиженский Р., Суровегина Е. Интервью с Вуковоем (Е. Васильевым) и Твердославом (С. Асяевым) // Colloquium heptaplomeres. Вып. IV. 2017. С. 150–153.

Шнирельман В. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2012.

Aitamurto, K. (2016) *Paganism, traditionalism, nationalism: narratives of Russian rodnoverie*. N.Y.; L.: Routledge.

Beskov, A. (2017) “Interv'iu s Liubomirom (D.Zh. Georgisom)” [Interview with Lyubomir (D. Zh. Georgis)], *Colloquium heptaplomeres* IV: 96–113.

Beskov, A. (2018) “Interv'iu s Dmitriem Xenem (D.P. Vlasovym)” [Interview with Dmitriy Khen’ (D. P. Vlasov)], *Colloquium heptaplomeres* V: 94–98.

Beskov, A. (2018) “Interv'iu s Les'iarom (A.V. Agafonovym)” [Interview with Les’yar (A.V. Agafonov)], *Colloquium heptaplomeres* V: 99–108.

Beskov, A.A. (2014) “Paradoksy russkogo neoiazychestva” [Paradoxes of Russian Neopaganism], *Colloquium heptaplomeres* I: 11–23.

Beskov, A.A., Kocheganova, P.P. (2016) “Obraz russkogo neoiazychestva v rossiĭskoĭ presse nachala XXI veka” [Image of the Russian Neopaganism in the Russian Media of the Early XXI Century], *Politika i Obshchestvo* 9: 1296–1311.

Dobrovol′skii, M. (2019) Spiritualisticheskaia etika i novyi dukh kapitalizma [The Spiritual Ethic and the Spirit of Late Capitalism], *Russian sociological review* 18(4): 231–262.

Ferlat, A. (2003) “Neopaganism and New Age in Russia”, *Folklore*, 23: 40–48.

Gaĭdukov, A. (1999) “Molodezhnaia subkul′tura slavianskogo neoiazychestva v Peterburge” [Youth Subculture of Slavic Neopaganism in St. Petersburg], in V.V. Kostiushev (ed.) *Molodezhnye dvizheniia i subkul'tury Sankt-Peterburga (sotsiologicheskii i antropologicheskii analiz)*, pp. 24–50. St. Petersburg: Norma.

Gaidukov, A. (2013) “The Russian-Language Internet and Rodnoverie (Ch. 20)”, in Aitamurto, K. and Simpson, S. (eds) *Modern Pagan and Native Faith Movements in Central and Eastern Europe*, pp. 315–332. Porthcawl, UK: Acumen Publishing.

Gaidukov, A.V. (2010) “Internet kak istochnik informatsii i sredstvo agitatsii sovremennogo iazychestva: na primere rodnoverov (neoiazychnikov) Peterburga” [The Internet as a Source of Information and Means of Agitation of Modern Paganism: The Case of the St. Petersburg Rodnovers (Neopagans)], in *Religioznaia situatsiia v Sankt-Peterburge i na Severo-Zapade Rossii* VI, pp. 113–125. St. Petersburg.

Gründer, R. (2014) “Neo-pagan Traditions in the 21st Century: Re-Inventing Polytheism in a Polyvalent World-Culture”, in J. Schlehe, E. Sandkühler (eds) *Religion, Tradition and the Popular: Transcultural Views from Asia and Europe*, pp. 261–282. Bielefeld: Transcript-Verlag.

Harris, M. (1999) *Theories of culture in postmodern times*. Walnut Creek, CA–London–New Delhi: Altamira Press.

Harvey, G. (2000) “Boggarts and Books: Towards an Appreciation of Pagan Spirituality”, in S. Sutcliffe, M. Bowman (eds) *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality*, pp. 155–168. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Huss, B. (2014) “Spirituality: The Emergence of a New Cultural Category and its Challenge to the Religious and the Secular”, *Journal of Contemporary Religion*, 29(1): 47–60.

Kavykin, O.I. (2007) *“Rodnovery”. Samoidentifikatsiia neoiazychnikov v sovremennoi Rossii* [Rodnovers. Self-Identification of Neopagans in Modern Russia]. Moscow: Institut Afriki RAN.

Morris, B. (2005) *Religion and Anthropology: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Riazanova, S.V., Tsolova, A.I. (2015) “Sovremennoe «neoiazychestvo»: klassifikatsiia, spetsifika i lokal′nye varianty” [Modern Neo-Paganism: Classification, Specifics and Local Variants], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 7: Filosofiia* 1: 96–106.

Shizhenskii, R. (2014) “Interv′iu s Veleslavom (I.G. Cherkasovym)” [Interview with Veleslav (I.G. Cherkasov)], *Colloquium heptaplomeres* I: 177–184.

Shizhenskii, R. (2015) “Interv′iu s Bogumilom (B. A. Gasanovym)” [Interview with Bogumil (B.A. Gasanov)], *Colloquium heptaplomeres* II: 102–116.

Shizhenskii, R. (2015) “Interv′iu s Vezemarom (M.S. Prokopenko)” [Interview with Vezemar (M.S. Prokopenko)], *Colloquium heptaplomeres* II: 125–129.

Shizhenskii, R. (2017) “Interv′iu s P. V. Zuem” [Interview with P. V. Zuy], *Colloquium heptaplomeres* IV: 158–160.

Shizhenskii, R.V., Surovegina, E.S. (2017) Sotsial′nyi portret sovremennykh russkikh iazychnikov: sravnitel′nyi analiz (po dannym anketnykh oprosov 2014–2015 gg.) [Social Portrait of the Contemporary Russian Pagans: Comparative Analysis (According to the Data of the Questionnaire Studies of 2014–2015)], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 12(86), part 1: 201–204.

Shizhenskii, R., Surovegina, E. (2017) "Interv′iu s Vukovoem (E. Vasil′evym) i Tverdoslavom (S. Asiaevym)" [Interview with Vukovoy (E. Vasil'ev) and Tverdoslav (S. Asyaev)], *Colloquium heptaplomeres* IV: 150–153.

Shnirel′man, V. (2012) *Russkoe rodnoverie: neoiazychestvo i natsionalizm v sovremennoi Rossii* [Russian Rodnoverie: Neopaganism and Nationalism in Modern Russia]. Moscow.

Sinelina Iu. Iu. (2013) "Osobennosti religioznosti sovremennykh pravoslavnykh v Rossii" [Features of Religiosity of Modern Orthodox Christians in Russia], in *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Chelovek i religiia» (Minsk, 14–16 marta 2013 g.)*, pp. 231–262. Minsk.

Strmiska, M.F. (2005) "Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives", in M.F. Strmiska (ed.) *Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives*, pp. 1–54. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO.

Surovegina, E. (2016) "Interv′iu s A.P. Ampleevym" [Interview with A. P. Ampleev], *Colloquium heptaplomeres* III: 103–106.

Surovegina, E. (2017) "Interv′iu s Temnogorom (A. V. Temnogorom) [Interview with Temnogor (A.V. Temnogor)], *Colloquium heptaplomeres* IV: 146–149.

Sutcliffe, S. et Bowman, M. (2000) "Introduction", in S. Sutcliffe, M. Bowman (eds) *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality*, pp. 1–13. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Vasil′ev, M.A. (2002) "Retsenziia na: Neoiazychestvo na prostorakh Evrazii / Sost. V. Shnirel′man. M., 2001. 180 s." [Shnirel′man, V. (ed.) (2001) Neopaganism in the vastness of Eurasia (Review)], *Slavianovedenie* 4: 100–105.

York, M. (1995) *The Emerging Network: A Sociology of the New Age and Neo-Pagan Movements*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.

Zabelina, E.Iu., Fen′vesh, T.A. (2019) "Otnoshenie k smerti i religioznoe soznanie molodëzhi" [The Attitude to Death and the Religious Consciousness of Young People], *Filosofskaia mysl'* 1: 70–76.

Zharchinskaia, K.A. (2014) "Mif i istoricheskaia pamiat′: obrazy slavianskoi «traditsii» v sotsial′nykh setiakh" [Myth and collective memory: images of Slavic "tradition" on social networks], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* 4(30): 97–103.

Zvereva, N.E., Maslennikova, T.I., Morozova, O.V. (2017) "Neoiazychestvo v seti: mezhkonfessional′nyi diskurs" [Neopaganism on the Web: Interfaith Discourse], in D.S. Budanova (ed.) *Vlast' v logike i ritorike mezhnatsional'nykh i mezhkonfessional'nykh otnoshenii*, pp. 82–98. Ivanovo.

Zwissler, L. (2011) "Pagan Pilgrimage: New Religious Movements Research on Sacred Travel within Pagan and New Age Communities", *Religion Compass,* 5(7): 326–342.